

МЕМУАРЫ
ВЕЛИКОЙ
ФЕМИНИСТКИ

МОЯ ЖИЗНЬ В ДЮРПОТЕ

ГЛОРИЯ СТАЙНЕМ

Women's fight club. Книги для сильных и независимых

Глория Мари Стайнем

**Моя жизнь в дороге. Мемуары
великой феминистки**

«ЭКСМО»

2019

УДК 159.922.1
ББК 88.53

Стайнем Г.

Моя жизнь в дороге. Мемуары великой феминистки /
Г. Стайнем — «Эксмо», 2019 — (Women's fight club. Книги для
сильных и независимых)

ISBN 978-5-04-117325-8

Слова «женщина» и «должна» часто идут где-то рядом. Женщина должна быть скромной и уступчивой. Должна обеспечивать домашний уют. Должна воспитывать детей. И много других «должна», которые внушают женщинам чувство вины и запрещают распоряжаться собственной жизнью так, как хочется. Глория Стайнем, признанный лидер феминистского движения 60-х–70-х, посвятила свою жизнь борьбе за то, чтобы каждая женщина могла освободиться от тисков гендерных установок и правил. В этом и есть суть настоящего феминизма: оценивать человека по его способностям, достижениям и устремлениям, а не исходя из половой принадлежности. Эта книга рассказывает о незаурядной личности, изменившей ход истории и давшей возможность каждой женщине ощутить свою силу. Вас ждут необычные дороги и судьбы, борьба за равенство и свободу, ветер перемен и долгожданное чувство победы. Как говорит Глория, путешествия начинаются тогда, когда выходишь за дверь. В путь? В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 159.922.1
ББК 88.53

ISBN 978-5-04-117325-8

© Стайнем Г., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Прелюдия	8
Вступление. Дорожные знаки	11
Глава I. По стопам отца	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глория Стайнем

Моя жизнь в дороге. Мемуары великой феминистки

Gloria Steinem
My Life on the Road

© 2019 by Gloria Steinem
© Малышева А., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

ЭТА КНИГА ПОСВЯЩАЕТСЯ:

Доктору Джону Шарпу из Лондона, который в 1957 году – за десять лет до того, как врачам в Англии законодательно разрешили делать аборты по иным причинам, кроме спасения жизни женщины, – с немалым риском сделал эту операцию двадцатидвухлетней американке, направлявшейся в Индию. Зная о ней лишь то, что она разорвала помолвку, чтобы начать новую жизнь, он сказал: «Пообещайте мне две вещи. Во-первых, никому не говорить моего имени. Во-вторых, впредь самой распоряжаться собственной судьбой».

Дорогой доктор Шарп, полагаю, вы, как человек, осознававший всю несправедливость закона, не осудите меня, если я скажу это теперь – ведь после вашей смерти прошло уже так много времени.

Я распорядилась своей судьбой наилучшим образом.

Эта книга – для вас.

«По задумке эволюции, мы должны быть путешественниками... Оседлый образ жизни – сколько бы он ни продолжался и где бы ни проходил – в пещере ли, в замке ли, – в масштабах эволюции был не более чем каплей в океане».

Брюс Чатвин, «Анатомия беспокойства»

Прелюдия

В салоне самолета, летящего в Рэпид-Сити, что в Южной Дакоте, я вижу много людей в черной коже, цепях и татуировках. Обычно внешний вид пассажиров говорит о том, куда они направляются: в Вашингтон летят в деловом костюме, в Лос-Анджелес – в джинсах. Но я и представить себе не могу собрание столь необычной компании в Рэпид-Сити – городе, где даже возле кинотеатра все посетители паркуют машины строго по диагонали. В соседнем кресле посапывает бородатый мужчина с проколотым носом и в куртке с шипами. Что ж, похоже, мне просто придется смириться с очередной загадкой этого путешествия.

В аэропорту я встречаюсь с пятью подругами из разных уголков страны. Вместе мы образуем довольно пеструю компанию женщин: одна активистка-чероки со своей взрослой дочерью, две писательницы-афроамериканки, одна женщина-музыкант – и я. Нас пригласили на собрание коренного племени лакота-сиу, посвященное исключительной роли женщины, которую та играла до установления патриархального строя с прибытием европейских завоевателей, и попыткам эту роль восстановить.

Подъезжая к парку Бэдленд, мы видим целые полчища мотоциклов вокруг каждой закуской и мотеля. Так вот куда летели все эти люди в коже и цепях. Однако на смену одной загадке тут же приходит другая. Официантка в кафе, куда мы зашли, чтобы выпить кофе, не может поверить в то, что мы не знаем повода этого собрания. Оказывается, каждый август с самого 1938 года байкеры со всего света приезжают сюда на ралли в городке Стурджис. Сам городок – не более чем точка на карте, но байкеров манят сюда густые леса, горы и хитро сплетенный пучок шоссе, различимый даже из космоса. В этот самый момент все мотели и кемпинги в радиусе 800 километров заняты байкерами – всего их около 250 000 человек.

Наша банда из шести сильных женщин принимает эту новость к сведению. По правде говоря, мы немного побаиваемся байкеров. Да и как иначе? Все мы знаем из фильмов, что байкеры повсюду ездят стайками, обращаются со своими женщинами как с вещью, а с чужими – как с сексуальным трофеем.

Впрочем, мы с ними почти не пересекаемся – все свое время мы проводим, гуляя по проселочным дорогам за лесной опушкой, на индейской земле. Мы едим домашнюю еду, которую продают с тележек, сидим на расстеленных на огромной территории покрывалах, любимемся танцорами, двигающимися в ритме барабанов, и индейскими пони в пестрых пополах. Когда идет дождь, в небе – покуда хватает глаз – раскидывается радуга, а бескрайние поля сладкой травы благоухают, как гигантский цветок.

Лишь по вечерам, возвратившись в свои домики, мы вновь видим мотоциклы на парковках. Однажды, гуляя по Рэпид-Сити, я слышу, как один байкер говорит своей подруге в татуировках: «Милая, можешь гулять по магазинам сколько вздумается – встретимся в кафе». Должно быть, я ослышалась?

В последнее утро я в гордом одиночестве захожу в домик, чтобы позавтракать. Я стараюсь не привлекать к себе внимания, но не могу отделаться от неприятного ощущения: слишком много в этом помещении оружия и тяжелых сапог – и слишком мало женщин. За соседним столиком сидят мужчина в цепях и женщина в кожаных штанах, с совершенно невозможной прической. Они замечают мое присутствие, и женщина наконец решается со мной заговорить.

– Я только хотела сказать, – радостно начинает она, – какую важную роль журнал «Ms.» сыграл в моей жизни – и в жизни моего мужа. Сейчас он на пенсии и тоже иногда его почитывает. А еще хотела спросить: одна из женщин в вашей компании, случайно, не Элис Уолкер? Обожаю ее стихи!

Оказывается, они с мужем приезжают на это ралли каждый год – с тех пор, как поженились. Ей нравится ощущение свободы и неповторимый «лунный» ландшафт Бэдленда. Она уверяет, что я должна непременно прогуляться по нему – только по тем тропинкам, что отмечены веревками. Именно здесь во время войны за Черные холмы нашли убежище воины лакота – ведь лошади кавалерии постоянно сбивались с дороги.

Уже на полпути к кассе ее муж оборачивается и советует мне посетить огромный мемориал вождю Неистовому Коню, выступающий прямо из Черных холмов. «Памятник президентам – убийцам индейцев на горе Раимор – ничто по сравнению с Неистовым Конем верхом на пони», – говорит он и уходит, невозмутимо позвякивая цепями и демонстрируя внушительные татуировки.

На прощание моя новая подруга велит мне взглянуть в огромное панорамное окно – на стоянку мотоциклов.

– Видите вон тот фиолетовый «Харлей», такой большой и красивый? Это мой. Раньше я садилась позади мужа – ни разу не выезжала на дорогу самостоятельно. А когда дети подросли, сказала свое решительное «нет». Поначалу было нелегко, но в конце концов мы стали партнерами. Теперь он и сам говорит, что так ему гораздо комфортнее. Не нужно бояться, что за рулем у него внезапно прихватит сердце и мы оба погибнем. Я даже приписала «миссис» на своем номере. Видели бы вы лица моих внуков, когда бабушка седлает свой фиолетовый «Харлей»!

Когда они уехали, я поглядела на простирающиеся вокруг бескрайние степи и скалы Бэдленда. Я уже бродила по ним и знала, что вблизи эти бесплодные пески – нежно-розового, бежевого и кремового оттенка, а скалы раскрываются, готовые принять в себя и надежно укрыть, как материнское чрево. Даже на дальних утесах видны спасительные пещеры.

То, что издали кажется одним, при ближайшем рассмотрении оказывается совсем другим.

Эту историю я рассказала вам потому, что подобный урок можно усвоить только в дороге. И еще потому, что со временем укрепились в мысли: у каждого из нас есть свой «фиолетовый мотоцикл».

Нужно просто найти его и оседлать.

С Элис Уолкер, неподалеку от Бэдленда, 1994 г. Из личного архива Глории Стайнем

Вступление. Дорожные знаки

Когда меня спрашивают, как мне удается после стольких лет не терять надежды и сил, я всегда отвечаю: все благодаря путешествиям. Вот уже более сорока лет я почти половину своего времени провожу в дороге.

Никогда прежде я не пыталась рассказывать об этом образе жизни – даже когда писала заметки о людях и событиях. Просто не могла уместить свои наблюдения в рамки определенного жанра или категории. Для меня это было не дорожное приключение в стиле романов Керуака и не период кочевничества перед тем, как осесть и остепениться; не было это и путешествием с какой-то конкретной целью. Сначала я была журналистом и писала заметки из жизни, затем периодически участвовала в организации политических кампаний и движений. Но большую часть моих странствий составляли различные феминистические проекты. Друзья мои были разбросаны по всему свету, так что нет ничего удивительного в том, что именно дорога стала связующим звеном моих привязанностей и надежд.

Когда друзья и коллеги-репортеры выражали сочувствие моей нелегкой доле – ведь я столько времени провожу вдали от дома, – звала их собой. Я надеялась посадить их на этот наркотик. Но за все эти годы лишь один попался на крючок – хотя и продержался всего три дня¹.

Прошел не один десяток лет, и в мою жизнь прочно вошли слова «все еще» – «А, ты все еще путешествуешь!», – и мне стало не по себе от того, что о своем основном занятии я пишу меньше всего.

Поэтому я села и принялась записывать впечатления от своих многочисленных поездок в прошлом и настоящем. О том, что увидела – и чему удивилась. О том, чего не увидела – и от чего разозлилась. И о надеждах на то, что еще можно совершить. Листая и разглядывая старые книги, графики, письма и журналы, я вдруг вспомнила отца, который вот так же сидел над своими потрепанными дорожными картами и адресными справочниками, пытаясь подсчитать, сколько денег ему понадобится на бензин, чтобы добраться из пункта А в пункт Б; где найти трейлер-парки, чтобы был приют для жены и двух дочерей; и заинтересуются ли придорожные торговцы предметами старины, которые он собирался продать или обменять по пути через всю страну. Воспоминание это настолько живо предстало передо мной, что я почти что услышала, как мы заговорщицки перешептываемся, стараясь не разбудить маму, которая спала в том самом трейлере, где каждый год мы проводили большую часть своей жизни.

Готова поклясться, что до того момента я изо всех сил протестовала против образа жизни, который избрал для себя мой отец. У меня был уютный дом, надежное и любимое убежище, ему же дом вообще был не нужен. Я в жизни своей не заняла ни гроша, он же не вылезал из долгов. Я участвовала в групповых приключениях, куда добиралась самолетом и поездом, он же готов был потратить неделю, чтобы в одиночку проехать всю страну из конца в конец, только бы не сесть в самолет. И все же, проанализировав саму суть нашего протеста, целью которого было вновь оказаться в привычной обстановке, я поняла, что наша с ним общая любовь к дороге неслучайна. Так было и в первые – весьма яркие и запоминающиеся – десять лет моей жизни: я была папиной дочкой.

Я и представить себе не могла, что начну эту книгу с воспоминания об отце, а потом поняла, что именно так и следовало поступить.

За этим открытием последовали и другие. Так, я всегда считала, что мои странствия не вечны – ведь настанет такой момент, когда я остановлюсь. Теперь же понимаю, что именно дорога и была константой, а моменты оседлости – лишь временными остановками.

¹ Marilyn Mercer, *Gloria Steinem: The Unhidden Persuader*, McCall's, January, 1972.

Именно путешествия служили контекстом «внедорожной» жизни, а не наоборот.

Взять хотя бы публичные выступления: всю свою сознательную жизнь, вплоть до тридцати лет, я старалась их избегать. Когда однажды попросила преподавателя ораторского искусства объяснить мне, в чем причина, она ответила: танцоров и писателей труднее всего научить говорить перед публикой – ведь и те и другие выбрали для себя профессию, где этого делать не нужно. А я относилась к обеим этим категориям.

А потом – в конце 1960-х – начале 1970-х – выяснилось, что редакторы, с которыми я работала, не испытывали ни малейшего интереса к буму феминизма по стране. В гневе и отчаянии я объединила свои усилия с другой женщиной – намного храбрее меня, – и вместе мы стали ездить по студгородкам и встречаться с местными группами активистов. Со временем, вдали от дома, я поняла одну вещь, которую ни за что не узнала бы при ином стечении обстоятельств.

Оказавшись в одном помещении, люди понимают и сочувствуют друг другу гораздо больше, чем когда читают о некоем происшествии, смотрят фильм или репортаж.

До того момента я была «свободным художником» и помыслить не могла о том, чтобы работать в офисе или иметь какие-либо обязательства, кроме арендной платы за квартиру. Но знания, полученные в пути, побудили меня собрать писателей и редакторов и вместе издать феминистический журнал, целью которого было (по выражению великой Флоринс Кеннеди) «приготовить революцию, а не просто обед». Этим женщинам просто негде было писать о том, что для них важнее всего. Так родился журнал «Ms.».

С того момента я буквально поселилась в офисе, полном журналистов и редакторов, куда меня тянуло как магнитом. Редакция журнала стала для меня не только еще одним поводом продолжать свой путь, но и семьей, куда я неизменно возвращалась из каждого путешествия с полными карманами конспектов о событиях и впечатлениях.

По большому счету, я, быть может, никогда не нашла бы в себе сил или желания заниматься тем, что стало для меня важнее всего, если бы не Дорога. Отправившись в это бесконечное путешествие – а точнее, позволив ему захватить меня с головой, – я изменила собственную суть. Дорога непредсказуема, как и сама жизнь. Это путь от отрицания к реальности, от теории к практике, от боязни сделать шаг к действию, от статистики к реальным историям. Проще говоря, от разума – к сердцу. За каждым поворотом может ожидать смертельная угроза – или близость по взаимному согласию как очередное доказательство того, что мы живы и ощущаем свою связь с реальностью.

Как видите, *первая причина*, по которой я решила написать эту книгу, – желание поделиться тем, что для меня важнее всего и что долгое время оставалось в тени. Для меня это шанс сделать нечто большее, чем просто вернуться домой и сказать друзьям: «Ой, я тут познакомилась с таким потрясающим человеком...», или «Слушайте, что я придумала...», или – что гораздо важнее – «Нужно наконец прекратить обобщать всех «американцев» как некую безликую массу». И еще я приобрела иммунитет к заявлениям политиков вроде: «Я изъездил эту страну вдоль и поперек и *знаю*...» Потому что я-то уж точно поездила больше всех их, вместе взятых, и все еще *не знаю*.

То, что нам говорят об этой стране, чаще всего ограничивается обобщениями, обрывками фраз и в лучшем случае эдакими «передовыми» умозаключениями о том, что у каждой проблемы – две стороны. На деле же у многих животрепещущих вопросов – по три, семь или даже десять граней. Иногда мне кажется, что в действительности надвое можно разделить только людей: на тех, кто все делит на два, – и всех остальных.

Если бы все эти годы я не читала и не смотрела ничего, кроме СМИ, то отчаялась бы гораздо раньше – ведь все новости посвящены исключительно конфликтам, а быть объективным в наши дни означает быть настроенным беспристрастно-отрицательно.

Дорога же научила меня тому, что реальность, представляемая СМИ, не является таковой.

Например, считается, что американцы ценят свободу, и при этом в наших тюрьмах больше заключенных, чем в любой другой стране мира. Я общалась со студентами, влезавшими в немислимые долги, чтобы получить образование. Но никто не видит связи между этим фактом и тем, что государство строит ненужные тюрьмы вместо школ, которых не хватает, а затем тратит в среднем пятьдесят тысяч долларов в год на одного заключенного и гораздо меньше на одного студента. Я восхищаюсь людьми с предпринимательской жилкой, открывающими собственную компанию или хотя бы палатку по продаже хот-догов, но при этом в нашей стране самый большой разрыв по показателям дохода и общего благосостояния людей из разных классов. Я встречала людей из индейских поселений, знающих свою родословную за тысячу лет, и жертв сексуального и обычного рабства, прибывших буквально вчера. Сама эта страна меняется у нас на глазах. Пройдет каких-то тридцать лет, и основная часть ее населения утратит европейские черты: уже сейчас большая часть новорожденных детей – цветные. Это новообретенное разнообразие поможет нам лучше понять мир и самим выбирать из множества параллельно существующих культур. И все же по сей день существуют люди, чье осознание идентичности находится под влиянием устоявшейся иерархии. Быть может, в них говорит чувство страха и вины: «Что, если со мной будут обращаться так, как я обращался с другими?» Однако, учитывая, какая власть и деньги стоят за всем этим, подобные регрессивные установки чреваты возвратом к старой иерархии.

Как мудро заметила Робин Морган: «Ненависть обобщает, любовь выделяет из общей массы»².

Вот почему дорога так важна: она учит различать оттенки.

Вторая моя цель – побудить и вас отправиться хотя бы в коротенькое путешествие. Поехать куда-нибудь – или же просто переключить свой разум в другой режим, будто вы в пути: не искать привычную обстановку, но открыться навстречу новому и неизведанному. Сделать это можно, даже просто ступив за порог. Сложив воедино разрозненные кусочки мозаики, вы получите в награду незабываемые ощущения. Подобно джазмену, импровизирующему на сцене, или серфингисту, пытающемуся поймать волну, или птице, оседлавшей воздушный поток. Об этом поет Джуди Коллинз в своей песне «The Blizzard» – истории незнакомцев, встретившихся в метель. Об этом пишет Элис Волкер в своем эссе «Родина моего отца – бедность». Каждая из них начинается с некой личной точки, а затем ступает на неизведанный и непредсказуемый путь, который приводит в место неожиданное, но неизбежное, как сама дорога судьбы.

Зависимость от дороги – универсальна. Так, караван суфийского поэта Руми прошел десятки мусульманских земель. Цыгане ушли из Индии в Европу, нигде не задерживаясь надолго. А аборигены Австралии и островов Торресова пролива постоянно перемещаются по древней Тропе песен. В этой книге я пишу об Америке, потому что именно здесь больше всего живу и путешествую – и именно ее больше всего хочу понять, в особенности учитывая ее чрезмерное влияние на остальной мир. Кроме того, я уверена, что нельзя понять чужую страну, не поняв своей собственной. В двадцать лет мне посчастливилось прожить год в Европе, а потом – два года в Индии. Однако в своей жизни мне гораздо чаще приходилось бежать, чем подолгу где-то оставаться, проникаясь окружающей действительностью. Спокойная Европа была для

² Robin Morgan, *The Word of a Woman: Feminist Dispatches, 1968–1992* (New York: W. W. Norton, 1992), pp. 275–77.

меня временным убежищем от суматошного детства. Далекая Индия показала мне, как живет большинство людей в мире, – чего я никогда не видела прежде. Я и по сей день благодарна этой огромной стране за то, что она не дает остальному миру о себе забыть, иначе я вернулась бы домой такой же, какой уехала.

Моя задача – пробудить в вас желание исследовать эту землю. Похоже, большинство людей нужно убеждать в том, как интересно путешествовать по Америке. Когда я еду в Австралию или Замбию, мне говорят: «О, это так замечательно!» Но если я еду куда-нибудь в пределах территории Штатов, они лишь сочувственно качают головой: «Как это, должно быть, утомляет!» А между тем путешествие по Америке тоже может принести огромное и ни с чем не сравнимое удовольствие. Ведь американцы способны дать фору любому другому народу по умению надеяться на лучшее. Быть может, оттого, что многие из нас сбежали от более худшей доли, или же выбрались из нищеты, или впитали с молоком матери легенду о «земле возможностей», или же просто потому, что оптимизм заразителен. Как бы то ни было, именно умения надеяться мне и недостает, когда я покидаю эту страну, и именно ему я радуюсь, когда возвращаюсь. В конце концов, надежда помогает строить планы.

Я вовсе не призываю вас путешествовать так же много. Подобно Скаю Мастерсону – странствующему азартному игроку из рассказов Деймона Раньона, – я сменила больше гостиничных номеров, чем Библия «Гедеон»³. А ведь ему не приходилось мыть голову гостиничным шампунем, есть еду из автоматов или засиживаться допоздна, пытаясь организовать горничных. Проведя двадцать лет в качестве организатора, я вдруг осознала, что самый долгий период пребывания дома для меня составил восемь дней.

Как вы уже поняли, я влюблена в дорогу.

В-третьих, я надеюсь поделиться с вами своими историями. Тысячелетиями человечество передавало знания и умения новым поколениям через песни и сказания. Если вы приведете мне статистические данные, я придумаю историю, чтобы объяснить, почему так вышло. Наш мозг так устроен, что лучше всего воспринимает новую информацию через легенды и образы. Вступив в ряды организаторов – иначе говоря, начав деятельность с целью изменения общества, – я открыла для себя волшебство историй, которые лекторы рассказывают группе абсолютно незнакомых людей. Те, кто внимательно их слушает, будто бы создают магнитное поле, о котором не подозревали даже сами рассказчики.

Кроме того, кратчайший путь к переменам в обществе заключается в том, чтобы дать возможность самым слабым говорить столько, сколько их будут слушать, а самым сильным – слушать столько, сколько будут говорить.

Быть может, именно благодаря своему умению слушать женщина-странница – и в особенности странствующая феминистка – это своего рода «небесный бармен». Порой ей рассказывают такое, о чем не стали бы говорить врачу. Со временем все больше людей узнают меня как участницу движения, которое многим подарило надежду, и все чаще мужчины и женщины делятся со мной самым сокровенным.

Помню, как однажды во время грозы оказалась в придорожной гостинице, где по счастливому стечению обстоятельств был музыкальный автомат и учитель танго, который рассказал мне историю рождения этого некогда уличного танца. Или как слушала детей племени могавков, заново учивших язык и постигавших духовные ритуалы, которые в течение нескольких поколений были под запретом. Или как сидела в кругу анонимных фундаменталистов и слушала, как они говорили о том, что пора бы отказаться от привычной уверенности во всем. Или как брала интервью у девятилетней девочки, которая была лучшим игроком в мальчишеской футбольной команде. Или как встретила со студенткой-латиноамериканкой, дочерью

³ Ассоциация Евангельских Христиан, занимающаяся распространением бесплатных экземпляров Библии более чем в 194 странах мира, в основном через комнаты в гостиницах и общежитиях. (Прим. ред.)

нелегальных иммигрантов, вручившей мне свою визитку со словами «Кандидат в президенты США 2032 г.».

Дорожная жизнь порой преподносит и природные дары. Например, северное сияние в Колорадо или прогулка в Нью-Мексико в лунном свете – таком ярком, что видно каждую черточку на моей ладони; или история о встрече слона-одиночки со своим давним другом-слоном в зоопарке Лос-Анджелеса; или снегопад в Чикаго, когда внезапно появляется повод все отменить и просто сидеть с другом у камина.

Но одна истина несомненна: дорога учит жить настоящим.

Наконец, мне просто хотелось *стать первопроходцем* – в буквальном смысле первой проложить этот путь. Обычно подобная роль отводится мужчинам: это они воплощают в жизнь задуманные приключения, женщины же по традиции – хранительницы домашнего очага. Еще в детстве я обратила внимание на то, как Дороти из «Волшебника страны Оз» отчаянно пыталась вернуться домой, в Канзас, а Алиса, которой приснился дивный сон о приключении в Стране Чудес, проснулась аккурат к чаепитию.

Читая «Путь героя» Джозефа Кемпбелла и произведения Юджина О’Нила, в которых мужчинам не давали выйти в море цеплявшиеся за них женщины, я полностью утвердилась в мысли, что дорога – не для меня. В старших классах я посмотрела голливудский фильм «Вива, Сапата!» – о жизни и деятельности великого мексиканского революционера. Когда Сапата едет навстречу своей судьбе, его жена повисает у него на ноге, валяясь в пыли, пытаюсь удержать его дома. Тогда я еще боялась признаться самой себе, что мысль о том, чтобы выйти в открытое море и вершить революцию, привлекает меня гораздо больше, чем просто сидеть дома и быть примерной матерью и женой. Но я дала себе слово, что никогда не буду препятствовать свободе своего мужчины.

Даже в словаре первое значение слова «авантюрист» – «искатель приключений» и лишь затем – «беспринципный человек, занимающийся авантюрами»; а слово «авантюристка» используется лишь в значении «женщина, пытающаяся нечестным путем добиться благополучия и высокого положения в обществе». Создается впечатление, что всякий раз, когда женщина отправляется в путешествие, добром это не может кончиться, будь то реальная Амелия Эрхарт⁴ или вымышленные Тельма и Луиза⁵.

Во многих странах и по сей день женщину могут привлечь к ответственности, а то и вовсе убить за то, что опозорила свою семью, посмея выйти из дома без сопровождения мужчины или же покинуть страну без его разрешения.

В Саудовской Аравии, например, женщине до сих пор запрещено водить машину – даже если ей срочно нужно в больницу, не говоря уже о развлечениях. Во время народных восстаний Арабской весны сексуальным домогательствам и изнасилованиям в равной степени подверглись и гражданки, посмеявшие выйти в людное место, и иностранные журналистки.

Писательница Маргарет Этвуд так объясняет отсутствие героинь женского пола в романах о поиске и обретении себя: «Причина довольно проста: если отправить женщину в одиночку на какое-нибудь опасное ночное задание, оно гораздо быстрее, чем для мужчины, окончится для нее смертельным исходом»⁶.

⁴ Амелия Мэри Эрхарт – первая женщина-пилот, перелетевшая Атлантический океан, и автор нескольких бестселлеров о своих полетах. (Прим. ред.)

⁵ Героини одноименного фильма 1991 г. о двух подругах, решивших бросить своих мужчин и искать другой жизни. (Прим. ред.)

⁶ Margaret Atwood, *Headscarves to Die For*, *New York Times Book Review*, August 15, 2004.

Ирония состоит в том, что благодаря молекулярной археологии, изучающей древние ДНК для отслеживания перемещений человека, мы знаем, что раньше именно мужчины сидели дома, а женщины – путешествовали. Коэффициент межконтинентальной миграции среди женщин почти в восемь раз выше, чем среди мужчин⁷.

Стоит, однако, отметить, что путешествия эти зачастую были в один конец, а у женщин не было другого выбора, и общество, в котором они жили, так или иначе было патриархальным и патрилокальным. То есть женщины все равно контролировались мужчинами, а если и перемещались, то лишь для того, чтобы перейти жить в дом мужа. В матрилокальных обществах, наоборот, мужчины переходили жить в дом жены (и так происходит и по сей день, примерно на третьей части суши), но при этом сохраняли свой статус, поскольку это общество почти никогда не было матриархальным.

В свете частых предупреждений о том, как опасна для женщин дорога, современный феминизм задает один крайне важный вопрос: «По сравнению с чем?» Будь то убийства за приданое в Индии, «за честь рода» в Египте или просто на бытовой почве в США, по статистике, женщин чаще всего избивают или убивают дома, знакомые им мужчины. Так что согласно той же статистике дом для женщины – гораздо более опасное место, чем дорога.

Быть может, истинная революция произойдет тогда, когда женщина сможет отправиться в путешествие по собственной воле и желанию, а вернувшись домой, найдет там теплый прием.

Эта книга – не об одном или нескольких путешествиях, а о десятилетиях, проведенных вдали от домашнего очага. Можно сказать, что это история современной кочевницы.

Помимо «горизонтального» путешествия по стране, в ней присутствуют свидетельства и о двух других типах путешествий: «вертикальном» (в прошлое Североамериканского континента, по которому мы с вами ходим) и культурном (с открытием новых людей и мест).

В этой книге – собрание историй, которые, я надеюсь, вдохновят вас на то, чтобы рассказать свою, а также произведут настоящую революцию, научив слушать других.

Я жалею о том, что не могу сделать эту книгу похожей на письма китайнок, которые они писали тысячу лет назад. Тогда женщинам запрещено было учиться, в отличие от их братьев, и они изобрели свой собственный шифр, который назывался «нью-шу», или «женское письмо». Наказанием за создание такой тайнописи была смертная казнь⁸. А они писали друг другу секретные послания и стихи в знак дружбы, таким образом осознанно выступая против ограничений. Как писала одна из них: «Мужчины покидают свой дом, чтобы совершать подвиги в большом мире. Но мы, женщины, не менее храбры – ведь нам известен язык, которого они не понимают».

Переписка эта была для них так важна, что некоторым женщинам, отправляя в последний путь, клали в гроб их письма дружбы. И все же многие из них уцелели и дошли до наших дней. Каждое такое письмо написано изящным почерком в центре страницы, с широкими полями, куда вторая собеседница могла бы вписать свои слова.

«В истории человечества были великие цивилизации, не использовавшие колеса, – писала Урсула Ле Гуин⁹, – но не было таких, где не рассказывали бы истории».

Если бы я могла, то на каждой странице оставила бы место для вашей истории.

⁷ Поскольку только женские яйцеклетки передают митохондриальную ДНК, а только мужская сперма – Y-хромосому, их сочетание позволяет понять, кто из населения земного шара переселенец, а кто нет. (По статье Natalie Angier, *Man vs. Woman: In History's Travel Olympics, There's No Contest* (New York Times, October 27, 1998); автор основывается на исследовании, приведенном в статье Mark T. Seilestad, Eric Minch, and L. Luca Cavalli-Sforza, *Genetic Evidence for a Higher Female Migration Rate in Humans*, *Nature Genetics* 20 (November 1998)). [Здесь и далее – если не указано иное – примечания автора.]

⁸ Douglas Martin, *Yang Huanyi, the Last User of a Secret Women's Code*, *New York Times*, October 7, 2004.

⁹ Урсула Крэбер Ле Гуин – американская писательница и литературный критик, автор романов, стихов, детских книг, публицист.

Мой отец Лео Стайнем на своей любимой фотографии, 1949 г. Из личного архива Глории Стайнем

Глава I. По стопам отца

Любовь к путешествиям у меня наследственная.

Казалось, лишь несколько месяцев в году мой отец радовался оседлой жизни. На лето мы уезжали в маленький домик, который он построил неподалеку от озера в сельской местности Мичигана. Там он вел занятия по танцам в павильоне, стоявшем на сваях над водой. И хотя до океана была сотня километров, он назвал его «Океанский пирс» и придумал звучный слоган: «Танцуем над водой и под звездами».

По выходным туда съезжались люди из окрестных ферм и летних домиков, чтобы танцевать под музыку из автомата. Отец придумывал разные необычные развлечения. Так, вдохновившись собственной любовью к шахматам, он придумал игру, где подростки в костюмах фигур должны были двигаться по расчерченному в клетку танцполу. Он даже приглашал в эту глушь известные танцевальные группы 1930–1940-х годов. Ради танцев под живую музыку в мягком лунном свете люди приезжали из самого Детройта и Толидо. Разумеется, на то, чтобы оплатить выступление Гая Ломбардо, Дюка Эллингтона или сестер Эндрюс в один дождливый выходной, могла уйти вся летняя выручка, поэтому во всем этом предприятии всегда присутствовала определенная доля азарта и риска. Думаю, это отцу тоже нравилось.

Но вот подходил к концу День труда¹⁰, а вместе с ним и это временное существование, и рабочим местом отца вновь становилась его машина. В первые теплые недели осени мы ездили на аукционы в окрестных городках, где среди домашней утвари и фермерских инструментов он искал предметы старины. Затем моя мама – у которой был наметан глаз на антиквариат и богатая библиотека справочной литературы – оценивала их для последующей продажи, и мы вновь садились в машину и ехали дальше, предлагая их встреченным по пути придорожным торговцам. Я говорю «мы», потому что лет с четырех я тоже участвовала в процессе – заворачивала в газеты фарфор и другие мелкие предметы, которые мы заботливо перевозили в картонных коробках по проселочным дорогам.

У каждого из нас была своя роль в семейном предприятии – в том числе и у моей сестры, которая была на девять лет старше меня и продавала летом попкорн с самой настоящей тележки, купленной отцом.

Но едва только озеро подергивалось первой ледяной коркой, а от воды начинал идти пар, отец принимался собирать по бензоколонкам дорожные карты, проверять прицеп машины и заводил разговоры о лакомствах издалека – вроде пралине из Джорджии, апельсинового сока из Флориды или лососевых стейков из калифорнийских коптилен.

А потом в один прекрасный день – словно это была внезапная прихоть, а не вечная жажда странствий – он объявлял, что пора погрузить все вещи и собаку в дом на колесах, который всегда стоял во дворе, и пуститься в дальний путь – до Флориды или Калифорнии.

Иногда это его объявление звучало так внезапно, что мы брали с собой больше сковородок, чем тарелок, или оставляли на кухне гору невытой посуды и недоеденную еду, которая встречала нас по возвращении, как помпейские руины. Казалось, отец всегда принимает свое решение неожиданно, и при этом страх перед сиренами, которые могли позвать его домой, был настолько велик, что он отказывался установить в нашем маленьком доме отопление или провести горячую воду. Если осенний воздух становился слишком холодным, чтобы купаться в озере, мы грели воду на печке-буржуйке и по очереди мылись в большой ванне перед камином. А поскольку для этого нужно было нарубить дров – оскорбление для сибаритской сути моего отца! – он придумал собственную систему растопки: запикивал длинное полено одним концом

¹⁰ День труда – национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября. (Прим. пер.)

в огонь, а второй конец оставался торчать снаружи. Затем отец поддевал его ногой и отправлял в камин – до тех пор, пока полено не превращалось в пепел. Наверное, даже гора дров во дворе казалась ему потенциальной угрозой, ведь в ней таился соблазн остаться на одном месте.

Едва почувствовав на своем лице легкое дуновение ветра перемен, отец не мог больше ждать. За все время я помню лишь один раз, когда он вернулся, и даже тогда матери пришлось привести весомые аргументы, чтобы убедить его в том, что она забыла выключить утюг и все может сгореть дотла. Он готов был купить новое радио, новую обувь, все что угодно, лишь бы не поворачивать назад.

Тогда я привыкла не задавать лишних вопросов: это было частью семейного ритуала. Теперь же невольно задумываюсь о том, не запрограммированы ли в человеческом мозге некие сезонные сигналы. В конце концов, мы ведь почти все свое существование на земле переселялись с места на место, а привычка к оседлости появилась у нас совсем недавно. И если птица скорее бросит своего птенца, чем пропустит момент перелета за тысячу километров, то какие сигналы к миграции сохранились у нас? Быть может, мой отец – и даже мать, хотя она заплатила гораздо более высокую цену за наши странствия, – сами выбрали тот образ жизни, при котором еще можно было распознать эти сигналы?

И еще родители – если так можно выразиться – жили «натуральным хозяйством». Мы никогда не отправлялись в путь с достаточным количеством денег, чтобы добраться до пункта назначения. И близко не было. Нет, мы брали с собой несколько коробок с фарфором, серебром и другими мелкими старинными предметами, купленными на деревенских аукционах, и по пути в Калифорнию – или еще дальше на юг, во Флориду или Мексиканский залив, – продавали их или меняли. Подобная схема сформировалась задолго до моего рождения, и отец знал всех до единого придорожных торговцев, как путник в пустыне знает каждый оазис. Однако на пути нам то и дело встречались новые магазины либо у старых менялись владельцы, и нужно было набраться храбрости, чтобы подъехать к ним на нашей запыленной машине с прицепом, понимая, что со стороны мы похожи скорее на мигрантов, вынужденных распродавать семейные реликвии, чем на торговцев антиквариатом. Если владелец магазина обращался с нами чересчур презрительно, отец не возражал, позволяя ему думать, что мы и в самом деле продаем свои пожитки. Получив свое, он возвращался в машину и там компенсировал ущемленное чувство собственного достоинства, в подробностях смакуя свой триумф.

Родители были уверены, что путешествие – само по себе образовательный процесс, а потому я не ходила в школу.

Моя сестра-подросток шла учиться в ту школу, что была рядом с нашим пунктом назначения, но я еще была слишком мала и жила лишь комиксами, рассказами о лошадях и Луизой Мэй Олкотт. Чтение в машине стало для меня собственным способом путешествовать – настолько, что, когда мама уговаривала меня отложить книгу и посмотреть в окно, я возмущенно отвечала: «Я же уже смотрела час назад!» Именно по дорожным знакам я научилась читать – и, если подумать, это отличная азбука. Дымящаяся чашка – это кофе; значки хот-догов и гамбургеров не нуждаются в пояснении; кровать означает отель, и еще там были разные картинки, предупреждавшие о работах на мосту или на дороге. И было волшебство рифмы. Производитель крема для бритья установил вдоль шоссе небольшие таблички на равных интервалах, и, предвкушая рифму, я читала:

Если ты
знаки эти не узнал,
значит, пока
далеко не бывал.
«Бирма Шейв»

Позже, прочтя о том, как Исак Динисен¹¹ декламировал английские стихи перед кенийскими рабочими кикуйю, – а они всё просили и просили, хотя и не понимали ни слова, – я уже знала, что они чувствовали. Сам процесс подбора рифмы – это волшебство.

Так ехали мы – современные американские кочевники – сквозь ливни и песчаные бури, зной и холодный ветер. Ели в придорожных закусовых (тогда же у меня появилась мечта когда-нибудь открыть свою собственную – с синими ситцевыми занавесками на окнах и кексами с отрубями). Днем в машине мы слушали радиоспектакли, а ночью отец пел нам популярны песенки, чтобы не заснуть.

Помню, как въезжали на бензоколонки, где воздух был пропитан едким запахом, а из-под машин вылезали работники в комбинезонах, которые, вытерев руки грязной тряпкой, проводили нас в загадочный «мужской» мир. Там были туалеты – не для слабых духом и неженков. Снаружи стояли переносные холодильники, из которых отец доставал бутылку кока-колы, осушал ее в один могучий глоток, а потом искал мою любимую виноградную газировку «Nehi», которую я потягивала мелкими глоточками, пока язык не становился ярко-фиолетовым. На заправках работали немногословные ребята, которые, впрочем, всегда были готовы указать дорогу или поделиться последними сводками погоды, а деньги брали только за горючее.

Теперь они кажутся мне эдакими соплеменниками, жившими вдоль торгового пути, или снабженцами караванов там, где Нигер вливается в Сахару, или мастерами-парусниками, которые шили паруса для кораблей, что везли специи из Тривандрама. Интересно, нравилась ли им такая жизнь – или это был своего рода компромисс, наиболее доступная им форма путешествий?

Помню, как отец ехал по пустынным дорогам из связанных между собой досок, вдоль которых не было ничего, кроме редких ранчо с гремучими змеями или одинокой бензоколонки. Мы останавливались в городках-призраках, где давно не было ни души и где из песчаных дюн выглядывали останки еще уцелевших зданий. Иногда налетал ветер, сдвигая пласты песка и обнажая старинный медный почтовый ящик или другие сокровища. Прижав руку к обшарпанной доске, я пыталась представить, что за люди здесь жили. Родители же узнавали это более надежным способом: расспрашивали тех, кто жил неподалеку. Так, один из таких городков, как оказалось, медленно вымер после того, как первую асфальтированную дорогу проложили слишком далеко от него. Другой опустел из страха местных жителей перед чередой загадочных убийств, совершенных, по всей видимости, шерифом. Третий в тот самый момент готовился стать местом съемок вестерна с Гэри Купером в главной роли. Развалины облили керосином, чтобы устроить зрелищный пожар, и повсюду установили знаки, велевшие случайным прохожим держаться подальше.

Мой отец, однако, всегда пренебрегал правилами – и потому двинулся туда, где в ограде виднелась дыра, чтобы тайком пробраться на съемки. Съёмочная команда отнеслась к нам с уважением, должно быть решив, что у нас есть разрешение вышестоящей инстанции. У меня до сих пор сохранилась сделанная отцом фотография в нескольких шагах от Гэри Купера: на его лице – веселье, на моем – тревога, а голова моя едва доходит ему до колена.

В детстве я изо всех сил старалась вписаться в стандарт, а потому боялась, что и нас когда-нибудь предадут забвению, как эти заброшенные города, или что отцовское пренебрежение правилами навлечет на нас какое-нибудь серьезное наказание. Но если бы не эти города-призраки, живущие в моей памяти дольше любого населенного пункта, смогла бы я когда-нибудь постичь простую истину: что тайна всегда оставляет пространство для воображения,

¹¹ Псевдоним датской писательницы Карен Бликсен. (Прим. ред.)

тогда как уверенное знание – нет? И смогла бы бросить вызов правилам, если бы мой отец всегда им подчинялся?

Когда у нас появлялись лишние деньги, мы ненадолго забывали о холодном душе на стоянке трейлеров и мылись в горячей ванне придорожного мотеля. Потом мы частенько наведывались в какой-нибудь местный кинотеатр – величественное здание с балконами, не имеющее ничего общего с современными безликими кинозалами.

Отец всегда считал, что хорошее кино и бутылочка пива – лучшее лекарство от всего; и был, в общем-то, прав.

Пройдя по тротуару, посверкивающему слюдой, мы попадали в отделанный позолотой вестибюль с фонтанами, куда посетители кинотеатра бросали монетки на удачу, чтобы в будущем вновь туда вернуться. В огромном темном кинозале, полном незнакомцев, замороженно следящих за мелькающими картинками на экране, мы забывали обо всех своих тревогах и погружались в совершенно другой мир.

Теперь-то я знаю, что сами эти кинотеатры и кинофильмы были лишь голливудской фантазией времен Великой депрессии, когда большинство людей не могло себе позволить других развлечений. Я думаю об этом, когда вижу пассажиров метро, с упоением читающих книги Стивена Кинга о тайнах и загадках, которые его мать, вынужденная работать официанткой, назвала «дешевым и приятным отпуском» и которые он до сих пор посвящает ей. Я думаю об этом, когда вижу детей, с головой ушедших в виртуальные образы, задействовав все свои пять чувств; или когда прохожу мимо дома, на крыше которого стоит спутниковая тарелка величиной почти с эту самую крышу, словно для его жителей нет ничего важнее, чем возможность убежать от реальности. Брюс Чатвин в своих путевых заметках писал, что воспоминание о кочевническом прошлом до сих пор живы в нашей памяти и тяга к нему проявляется в «потребности отвлечься, в стремлении к новизне»¹².

Во многих языках даже само слово «человек» синонимично слову «кочевник».

И «прогресс» в буквальном смысле означает «движение вперед», а еще – «сезонные перемещения». Быть может, наша потребность с головой уйти в виртуальный мир – всего лишь нереализованное желание странствовать?

Самое яркое впечатление из детских путешествий – это первое дуновение соленого ветерка на подъезде к морю. На калифорнийском шоссе, завидев Тихий океан, или на приподнятой автотрассе Флориды, прорезавшей Мексиканский залив, словно Моисей, раздвинувший воды Красного моря, мы вылезали из тесной машины, потягиваясь и вдыхая полной грудью морской воздух, будто бы рождаюсь заново. Герман Мелвилл когда-то сказал, что все дороги ведут к морю, что именно оно – источник всего живого на земле. В этой фразе заключена некая обреченность – но не радость.

Много лет спустя я посмотрела фильм о парижской проститутке, которая копила деньги, чтобы свозить свою маленькую дочку на море. Когда их поезд, полный рабочих, огибает утес, их взору внезапно открываются сверкающие бескрайние воды, и все пассажиры начинают смеяться, открывают окна, бросают туда сигареты, монеты, губную помаду – все, что еще секунду назад казалось им важным и нужным.

Именно такую радость я ощущала в детстве. И сейчас – когда дорога преподносит мне свой величайший дар, момент единения со всем, что меня окружает, – я испытываю похожие чувства.

Но было и то, в чем мне было труднее признаться самой себе: во время этих детских странствий я скучала по дому. Это было не какое-то конкретное место, но некий абстрактный

¹² Bruce Chatwin, *The Songlines* (New York: Penguin Books, 1987), p. 161.

уютный домик с обычными родителями, школой, куда можно было ходить, и друзьями, жившими по соседству. Мои мечты подозрительно напоминали жизнь, что я видела в кино, но тоска по всему этому была сродни непреходящей лихорадке. Мне и в голову не приходило, что дети, которые жили в таких уютных домиках и ходили в обычную школу, могли мне завидовать.

Когда мне было лет десять, родители развелись.

Сестра была совершенно разбита, но лично я не понимала, как двух таких разных людей вообще угораздило пожениться.

Мать часто собственными тревогами доводила себя до депрессии, а отец то и дело норовил заложить дом или каким-то иным образом влезть в долги, ни слова ей не говоря, что совсем не спасало ситуацию. Из-за ограничений на расход горючего «Океанский пирс» пришлось закрыть, и отец почти все свое время проводил в дороге, покупая и продавая драгоценности и мелкий антиквариат, чтобы хоть как-то заработать на жизнь. Он чувствовал, что больше не в состоянии справиться с матерью, которая все чаще теряла связь с реальностью. Она же хотела жить рядом с сестрой, которая оканчивала колледж в Массачусетсе. К тому времени и я подросла и уже могла поехать вместе с ней.

Мы сняли дом в маленьком городке и большую часть школьного года проводили там. Для меня это был самый «стандартный» период жизни. Когда сестра окончила школу и устроилась на свою первую работу, мы с матерью переехали в Восточное Толидо, в старый фермерский дом, где когда-то жила ее семья. Как это всегда бывает с объектами низшего звена, эту часть города называли прилагательным, тогда как все остальные отхватили себе существительные. Некогда сельскую местность застроили домиками, где жили заводские рабочие. Они окружали наш едва пригодный для жилья дом с трех сторон, тротуар перед входной дверью упирался в шоссе, а мимо окон то и дело проносились рокошующие грузовики. Оказавшись в этих руинах времен своего детства, моя мать все чаще стала замыкаться в своем незримом и несчастном мире.

Я жила в постоянном беспокойстве: вдруг я не замечу и она уйдет бродить по улицам или забудет, что я в школе, и позвонит в полицию, чтобы меня найти, – иногда такое случалось. При этом я была уверена, что мне удастся надежно скрывать это от друзей. Многие из них по какой-то причине не рассказывали о своих семьях – ни о том, что дома говорили по-польски или по-венгерски, ни о пьянице-отце, ни о безработном родственнике, который временно живет у них в доме и спит на диване. По негласному правилу, мы встречались на углу улиц. Лишь спустя много лет одна из бывших одноклассниц призналась, что переживала за меня – ведь мою маму в районе прозвали Безумная Леди.

В те годы мама стала чаще рассказывать о своей юности. Задолго до моего рождения она работала репортером – что для женщин тех лет было редкостью; по сути, она была одной из первопроходцев. Работу она любила и делала так хорошо, что вскоре вместо репортажей на социальные темы ей предложили вести воскресную колонку в одной важной газете Толидо. Выйдя замуж за моего отца, она не оставила профессию, а продолжила ею заниматься и после рождения сестры, пока той не исполнилось шесть лет. Она, как могла, поддерживала мужа со всеми его прожектками и долгами; пережила выкидыш и рождение мертвого ребенка, потом влюбилась в сослуживца – быть может, за него ей и следовало бы выйти замуж. Все это постепенно копилось, образуя снежный ком из чувства вины и самоосуждения, и в конце концов привело к нервному расстройству. Два года она провела в лечебнице, откуда вышла с еще более сильным чувством вины за то, что оставила мою сестру на попечении отца. И еще она пристрастилась к темному жидкому успокоительному под названием хлоралгидрат. Без него ее по нескольку дней мучали бессонница и галлюцинации. С ним же речь ее была замедленной, а внимание притуплялось. После лечебницы мать бросила работу, отдалась от друзей и от

всего, что любила, и уехала вместе с отцом в глухую мичиганскую деревушку, где он решил воплотить в жизнь свою мечту – открыть летний курорт.

Такой я ее узнала: доброй и любящей, обладавшей искрометным юмором и талантом ко всему – от математики до поэзии, – но начисто лишенной уверенности в себе и душевного равновесия.

Пока мы вместе с ней жили в Толидо, отец колесил по Солнечному поясу и жил преимущественно в своей машине. Один раз за лето он приезжал к нам в гости на Средний Запад, причем всякий раз его визиты были привязаны к его загадочным сделкам. Однажды он написал мне о рассказе, главный герой которого всю жизнь ждал Большой сделки, – и, по его словам, рассказ этот был и о нем. Между своими приездами он присылал открытки с подписью «Па», пятьдесят долларов на ежемесячные расходы в конвертах с символикой мотелей, а также письма на том, что, по его мнению, было офисной бумагой. Например, толстый лист с потрепанными краями, без адреса или его имени (Лео), в верхней части которого было просто написано большими ярко-красными буквами: «Стайнемит!»

Однако этой жизни пришел конец, когда мне было семнадцать и мы продали наш дом в Толидо – на этом месте было решено построить парковку. Мать давно планировала его продать, чтобы оплатить мою учебу в колледже. В то лето сестра нарочно приехала в то же время, что и отец: у нее был план. Если он в этом году возьмет на себя заботу о маме, я могу пожить с сестрой в Вашингтоне, где она работала менеджером по закупке ювелирных изделий в крупном магазине. Это позволило бы мне спокойно окончить школу.

Я сразу сказала сестре, что отец никогда на это не согласится. Так и получилось, когда мы втроем отправились завтракать в кафе. Оставив ее бушевать от ярости, отец отвез меня в магазин, где я подрабатывала на летних каникулах. Открыв дверь машины и уже приготовившись выходить, я, к своему – и его – удивлению, разрыдалась. Сама того не осознавая, в глубине души я надеялась, что он скажет «да». Отец не выносил слез – в особенности когда плакала дочь, которую он помнил в основном ребенком, – и нехотя согласился, но ровно на год.

Каким-то образом ему удалось заботиться о маме, даже разъезжая по Калифорнии и останавливаясь в придорожных мотелях. А я с отличием окончила школу. Окружающие сочувствовали мне, что осталась без родителей, а я втайне наслаждалась свободой.

Когда отец привез маму в Вашингтон, чтобы оставить на наше попечение, сестра поняла, что не может совмещать работу с круглосуточным уходом за ней. Осенью я поступила в колледж. Тогда сестра нашла сердобольного врача в клинике для душевнобольных неподалеку от Балтимора, который принял маму, и там она наконец получила заботу и уход, в которых давно нуждалась.

Навещая ее по выходным во время летней работы, а затем – на каникулах в колледже, я увидела перед собой совершенно нового человека.

С удивлением обнаружила, что мы во многом похожи, чего прежде не замечала и в чем не могла себе признаться из страха, что меня постигнет ее участь.

Я узнала, что стихи, которые она читала наизусть, принадлежали перу Эдны Сент-Винсент Миллей и Омара Хайяма; что сворачивать лист бумаги в три колонки было журналистским секретом, которым она поделилась со мной; и что она всем сердцем хотела оставить отца и уехать вместе с подругой, чтобы попытаться счастья на журналистском поприще в Нью-Йорке. Глядя в ее карие глаза, впервые в жизни я заметила, как они похожи на мои.

Когда настойчиво спрашивала: «Но почему ты осталась? Почему не забрала сестру и не уехала в Нью-Йорк?», она отвечала, что все это не имело значения, что ей повезло, ведь у нее есть я и моя сестра. Если же я не унималась, она прибавляла: «Если бы я уехала, ты бы не родилась».

А мне так и не хватило духу ответить: *«Но зато родилась бы ты!»*

Поступив в колледж, я стала жить в общежитии и была счастлива, что наконец отвечаю только за себя. Однокурсницы, должно быть, поражались моему неубиваемому оптимизму и считали его некой странностью, присущей выходцам со Среднего Запада. Предпоследний курс я провела в Европе, делая вид, что учусь, а на самом деле путешествовала, потому что не знала, удастся ли мне еще когда-нибудь там побывать. По окончании колледжа я уехала на лето к матери, которая к тому времени поправилась и наконец смогла сперва снимать комнату, а затем жить с сестрой. Сестра уже вышла замуж и выделила в своем доме комнату для мамы. Потом я на два года уехала в Индию, где путешествовала и писала.

Однако, вернувшись домой, не смогла найти работу, где можно было бы применить полученные знания. И я снова отправилась странствовать, работать в студенческой политике и в конце концов стала внештатным редактором в Нью-Йорке, вновь вернувшись к такому знакомому ощущению непостоянства. У меня была съемная квартира с соседкой, но я жила на чемоданах и коробках. Проходя по улицам и заглядывая в освещенные окна, повторяла про себя мантру своего детства: «У всех есть дом, кроме меня».

Между тем моя мать работала на полставки в магазине подарков, рядом с домом сестры, а свободное время посвящала своим интересам: восточной философии и англиканской церкви. Последнюю она любила за то, что на ее скамьях разрешалось спать бездомным. Жить в одиночку она бы никогда не смогла, но, приезжая ко мне в Нью-Йорк, казалось, испытывала одновременно гордость и страх – оттого, что я теперь жила там, где когда-то мечтала жить она.

Из отцовских открыток я узнала, что он вернулся к своим мечтам о шоу-бизнесе, подписав контракт с молодым итальянским поп-певцом. Он возил итальянца с женой по барам и придорожным забегаловкам, но приглашений на концерты почти не было, как не было и записей. Вдобавок, по словам отца, певец с женой слишком много ели. Отец отправил их обоих восвояси – работать на авиастроительном заводе, – а сам вернулся к жизни одинокого странника.

Потом он узнал, что в Латинской Америке можно по дешевке закупить полудрагоценных камней, и продал свою машину, чтобы покрыть дорожные расходы. Однако, прилетев в Эквадор, он не нашел там ничего, кроме землетрясения, редких случайных сделок и какой-то немки, которая хотела выйти замуж за гражданина США, чтобы попасть в страну. Об этом он рассказал мне, только когда они развелись. О нашей жизни он сказал только одно: «Знаешь, говорят, что после шестидесяти пропадает тяга к сексу. Так вот, это неправда». Узнав, что в этой стране он обязан будет содержать свою бывшую жену, он настоял на том, чтобы она уехала по доброй воле в одиночку, и ему повезло, что в этом их желания совпали. В целом из своего латиноамериканского приключения он вышел в еще более плачевном состоянии, чем до него.

Потом эта женщина, которая столь непродолжительное время была моей мачехой, позвонила, чтобы узнать, куда прислать отцу открытку на день рождения. Я так давно не жила с ним, что напрочь позабыла, чему меня учили в детстве: никогда и никому не отвечать ничего, кроме как «папы нет дома». А ведь звонивший мог оказаться и коллектором!

Поразительно, как быстро укореняются привычки и как быстро они забываются.

В общем, я сообщила ей его адрес. От этого мой всегда добродушный и мягкий отец пришел в такую ярость, что позвонил мне из телефонной будки и заорал: «Да как ты могла?» Он был уверен, что ей нужны были от него только деньги.

Однако в своих ежегодных путешествиях на восток отец сохранил прежний оптимизм и добродушие. Лишь две вещи его беспокоили: неприятности с налоговой (он годами не платил налоги и не подавал декларацию о доходах) и мелкие проблемы со здоровьем. При весе больше ста тридцати килограммов он страдал от того, что в шутку называл «вены-паучки», к тому же за пределами своей машины чувствовал себя китом, выброшенным на сушу. При этом он

знал все лучшие кафе-мороженое и рестораны со «шведским столом» от одного побережья до другого и даже на почту за углом ездил на машине. И никогда не отказывался от своих проектов и сделок.

Однажды он взял с меня обещание никому не рассказывать о его планах открыть сеть придорожных мотелей «Сантана Мотелс». В каждом таком мотеле отец хотел сделать телескопическую крышу, которую постояльцы могли бы убрать, чтобы принимать солнечные ванны. В другой раз он рассказал мне о своей мечте изобрести секретную формулу апельсинового сока, который смог бы конкурировать с «Orange Julius». Но по большей части отец рассылал слоганы в рекламные агентства (с защищенного почтового адреса, чтобы их никто не украл). Например: «Можете поставить последнюю монетку на салфетки «Skott» или «Если вы заядлый курильщик, пусть каждое колечко будет из «Old gold». Когда его идеи не принимали, он просто придумывал новые.

Когда я окончила колледж со значком «Phi Beta Кappa»¹³, он внезапно беспокоился моей судьбой: не слишком ли высоко я взлетела для женщины? Ему самому диплом колледжа казался красивой, но необязательной бумажкой, не нужной никому из нас. Однажды он прислал мне объявление из журнала «Variety» – его библии по шоу-бизнесу. Объявление было обращено к женщинам моложе двадцати четырех лет и ростом от 170 см, которые приглашались для набора в танцевальную группу под названием «Hi Phi Beta» в Лас-Вегасе. Поперек вырезки он быстро нацарапал красными буквами: «Детка (так он всегда меня называл), это же прямо про тебя!»

Но когда я отправилась в Индию, ему в голову пришла другая идея. Он прислал мне восемьсот долларов, чтобы на обратном пути через Бирму я купила звездный сапфир. Сам он собирался встретить меня, когда мое судно пришвартуется у Сан-Франциско, а камень – продать и на вырученные деньги с помпой вернуться домой. Когда вместе с тремя сотнями китайских иммигрантов я вышла из каюты третьего класса (это был самый дешевый способ доплыть домой), он встретил меня с лупой ювелира, сразу заметив, что я купила кривой камень. Когда я училась в колледже, он однажды починил мое помолвочное кольцо, опустив его в воду, синеватую из-за растворенного в ней несмываемого карандаша. В результате пожелтевший бриллиант стал белым. Но с этим сапфиром он ничего поделывать не мог и теперь надеялся хотя бы отбить потраченные деньги.

Однако и этот удар судьбы он стойко выдержал и предложил познакомиться со своим другом, который делал аэрозольные баллончики и мог бы нанять меня продавать это новое изобретение на дорогах. Мне будут платить за путешествия – по мнению отца, о лучшей работе нельзя было и мечтать! Когда я и на это не согласилась, он заявил, что у него достаточно денег на еду и бензин, чтобы мы могли вернуться в Лас-Вегас. Я обеспокоенно спросила: и что тогда? Он ответил: «Тогда тебе обязательно повезет в битве с «одноруким бандитом» – новичкам всегда везет, – и ты сможешь мне продавать драгоценности на обратном пути».

В темном казино Лас-Вегаса – без окон и с кучей молчаливых игроков и шумных игровых автоматов – он поставил против меня ведро монет на общую сумму пятьдесят долларов. Через пару часов, сама не понимая, что происходит, я увеличила сумму имевшихся у нас денег в пять раз. Лишь потом он признался, что это были его последние пятьдесят долларов. Чтобы отметить это знаменательное событие, мы набили животы едой, которую продавали совсем дешево, дабы привлечь игроков, бесплатно посмотрели шоу по его старинному испытанному методу (входить на площадку, когда все уже давно началось), а потом снова отправились в путь.

Поскольку денег, что я выиграла, нам едва хватило до Невады, следующим пунктом его программы было продать драгоценности в каком-нибудь из маленьких придорожных магазин-

¹³ Общество Phi Beta Кappa – старейшее почетное студенческое общество в Соединенных Штатах Америки, основанное в 1776 году. (Прим. ред.)

чиков. Он был твердо уверен, что, если я войду в магазин с кольцом и брошью или браслетом на руке, продавцы тут же увидят перед собой перспективную сделку и вдобавок решат помочь несчастным отцу и дочери. Эту стратегию он успешно применял с высокомерными торговцами антиквариатом, когда я была маленькой. Кроме того, отец считал, что для них эта сделка и вправду выгодна. И его надежды оправдались: вырученных средств нам хватило на бензин, еду и мотели по пути к Вашингтону, где меня ждали мама и сестра.

Много позже, посмотрев фильм «Бумажная луна» о приключениях отца и дочери, я впервые осознала зыбкий оптимизм нашего совместного путешествия и непотопляемую радость моего отца перед лицом неумолимой несчастной судьбы.

Лишь тогда я поняла, что мы и в самом деле были несчастным отцом и дочерью – и это он смог превратить тотальную нищету в игру, где мы могли выиграть.

Такую кочевую жизнь отец вел до без малого шестидесяти четырех лет. «Если мы когда-нибудь попадем в аварию на шоссе, – сказал он мне как-то в детстве, – сразу вылезай и беги, машины мимо проносятся слишком быстро и не успеют остановиться». Именно это и случилось с ним на автостраде вблизи какого-то поселения округа Орандж, в Калифорнии. Отцовская машина перевернулась – удар был такой силы, что дверь со стороны водителя вогнулась внутрь, а сам он оказался зажат рулевым колесом. В таком положении машину закрутило по проезжей части, а отец был не в состоянии даже пошевелиться – не то что вылезти и бежать, – и в это время в него врезалась другая машина.

Врач больницы – которая была чуть посерьезнее обычного придорожного медпункта – отправил мне в Нью-Йорк сообщение. Должно быть, отец дал ему мой номер. Сестра не могла оставить маленьких детей, мама – путешествовать в одиночку, а значит, из всей семьи он мог рассчитывать только на мою помощь. Но ведь я была «папиной дочкой» – то есть путешествовала где-то за пределами страны и была недоступна.

К тому времени, как я вернулась домой – несколько дней спустя, – доктор уже успел связаться с моей сестрой. Она посоветовала мне лететь к нему неделей позже, когда он уже будет готов выписываться и ему понадобится помощь дома (он снимал комнату).

Думаю, я интуитивно почувствовала, что ехать надо немедленно, хотя авария казалась мне чем-то вполне обыденным, учитывая отцовский образ жизни, а вовсе не поводом для тревоги. И еще я почувствовала холодный укол в сердце: по приезде в Калифорнию мне предстояло стать сиделкой при отце – как когда-то при маме, – и я никогда больше не вернусь к прежней жизни.

За несколько дней до вылета врач позвонил сестре и сообщил, что состояние отца ухудшилось: у него началось внутреннее кровотечение. Я поспешила на ближайший рейс до Лос-Анджелеса, но во время пересадки в Чикаго услышала звонок пейджера: это была сестра. Доктор позвонил снова. Отец умер от обильного внутреннего кровотечения.

Приехав в больницу, я обнаружила лишь пакет из манильской бумаги с мелкими вещами отца и врача, который с трудом сдерживал гнев оттого, что никого из родных не было рядом.

У отца, сообщил он, обнаружились множественные травматические язвы, вызванные стрессом и отчаянием, и они были гораздо опаснее, чем повреждения, полученные при аварии.

Не знаю, слушала ли я его как дочь или же как беспристрастный свидетель, которому сообщают некий факт, но, кажется, он сказал, что причиной кровотечения, повлекшего за собой смерть, была не авария как таковая, а психологическая травма, стресс и отчаяние.

Я так и не нашла в себе смелости передать эти слова сестре. Никогда их не забуду. И все же я решила, что справлюсь со стандартной больничной процедурой и не сломаюсь. И у меня получилось – до тех пор, пока в руках у меня не оказался потрепанный отцовский бумажник,

с загнутыми краями, за долгие годы странствий в заднем кармане его брюк практически приросший к его телу. Кажется, будто бы я до сих пор ощущаю его пальцами.

Никогда себе не прощу, что не была рядом с ним в его последнюю минуту. И никогда не перестану спрашивать себя: если бы ему, одиноко лежащему на больничной койке, предложили отдать то ощущение свободы, что он чувствовал в дороге, в обмен на присутствие родных и друзей, – согласился бы он? Он всю жизнь верил, что вот-вот, за углом, его ждет что-то важное и великое, – понял ли он в тот момент, что это был его последний поворот?

Сожалел ли он о том, что воспитал свою дочь путешественницей?

Когда я была маленькой, нам с отцом часто казалось, что мы одни наслаждаемся путешествием. Мама лежала где-то в глубине трейлера, а сестра часто была в школе. Как капитан утлого суденышка, он искал во мне союзника – так же, как когда я помогала ему заворачивать предметы старины. Но в последнюю минуту меня рядом не было. Была ли эта участь результатом череды его решений? Или моих? Или этот выбор сделали мы оба? На эти вопросы у меня нет ответов. Лишь на один я должна ответить сама себе: каково идеальное равновесие между домом и дорогой? Между домашним очагом и дальним горизонтом? Между настоящим и возможным?

Знаю одно: другой жизни для своего отца я не представляю.

В моих воспоминаниях он всегда странник – обедает в придорожном кафе, а не дома в столовой; достает одежду из чемодана, а не из шкафа; ищет глазами таблички о свободных комнатах в мотелях, а не дорогу домой; вместо того чтобы строить планы на будущее, только отшучивается, предпочитая спонтанность определенности. Даже уговаривая мою маму выйти за него замуж, он сказал: «Это займет всего минуту». Он никогда не готовился к походу в кино – вместо того чтобы прочесть соответствующую рубрику в газете, он садился за руль и объезжал все окрестные кинотеатры. Лишь спустя много лет я узнала, что другие люди не заходят просто так в кинотеатр, чтобы досмотреть фильм до того момента, с которого они начали смотреть в прошлый раз.

Помню, как он выбирал самое быстрое шоссе – а не самый живописный маршрут, на котором всегда настаивала мама. Доехав до штата, где жил кто-то из его друзей, он никогда не звонил заранее – просто заявлялся в гости. Никогда он не планировал и игр в свои любимые шахматы и покер, а попадал на них по случайному стечению обстоятельств. Незнание собственного будущего вселяло в него спокойствие. «Если я не знаю, что случится завтра, – вдруг это будет что-то хорошее?» – говорил он.

В моем воображении его голос в телефонной трубке всегда звучит после голоса далекого оператора на коммутаторе: «Пожалуйста, оплатите вызов...» – и звона падающих монеток.

Он был моряком, а не мастером парусов. Он не мог оставаться в порту или оазисе, когда мимо проплывали корабли и проходили караваны. Он был вечно в движении.

Когда он умер, мне было двадцать семь. Я побывала и пожила в разных странах, но почти не знала своей. Думаю, он знал, что я скучала по нашим странствиям. В его памяти я так навсегда и осталась ребенком, уткнувшимся в книгу и отказывающимся подпевать его веселым перепевкам военных песен; ребенком, который просил его вести помедленнее, когда мы проезжали мимо хорошеньких домиков, и вслух сокрушался, что мы не живем в одном из них. Боюсь, он знал, что в детстве я отчаянно надеялась, что меня удочерили, что мои настоящие родители однажды приедут и заберут меня и я буду жить в настоящем доме, спать на кровати с балдахинном и кататься на лошади.

В колледже я стеснялась нашей нетипичной семьи и, чтобы избежать неудобных разговоров, старалась припомнить как можно больше интересных историй – вроде этих:

– Отец никак не мог отучиться от ругательств, а мама просила не ругаться в присутствии дочерей, поэтому собаку он назвал Чёртпобери. На случай, когда все же нужно было что-то покрепче, он придумал длинную цепочку имен, которую произносил на пределе скорости: ЧертпобериКалораморбусАнтониоКановаСципионАфриканскийСтаршийМладшийиСредний. Уже потом, узнав, что Антонио Канова был итальянским скульптором девятнадцатого века, Сципион Африканский Старший одержал победу над Ганнибалом, а Младший разграбил Карфаген, я была потрясена. Но когда спросила отца, почему он выбрал эти имена, оказалось, ему просто нравилось, как они звучат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.